

Станислав Минин

Один способ смотреть в календарь

Андрей Игнатьев. Хроноскоп, или Топография социального признания. М.: «Три квадрата», 2008. – 264.

Понятие «хронотоп» знакомо всякому, кто сколько-нибудь знаком с проблематикой культурологических исследований последних десятилетий и имел возможность углубиться в серьезную исследовательскую литературу по предмету. Хронотоп – своего рода зависимость между восприятием места и времени, «сетка координат» культуры. В свою очередь, «хроноскоп», о котором пишет в своей новой книге социолог А. Игнатьев, – аналитическая модель, устанавливающая (или пытающаяся ухватить) зависимость между восприятием времени и попыткой ответить на вопрос об удаче/неудаче: «Почему именно я обделен аплодисментами, спонсорством, голосами “за”, кружкой пива в хорошей компании, etc.?» Одним словом, «почему именно мне недостает признания?»

«Хроноскоп» А. Игнатьева – книга сколь увлекательная, столь же небесспорная. В ней немало дискуссионного – в частности, сам принцип формирования хроноскопа. За его основу автор берет 12-летний «зодиак животных» (китайский календарь, говоря другими словами). И здесь возникает вопрос: являются ли представления о 12-летнем цикле озбоченных успехом/неуспехом социальных групп или индивидуумов предметом исследования? Или же это часть методологического, теоретического инструментария?

А. Игнатьев пишет, что «сами по себе» зодиакальные модели и подобные им схемы «ничего не доказывают», т.е. «являются скорее инструментом для конструирования исходных следственных или терапевтических версий, нежели аргументом в дискуссии»; эти модели суть визуализация «прагматического контекста», «отображение неких реальных и достаточно устойчивых автоматизмов повседневного действия...» (с. 90–91). Он же отмечает, что «обоснование подобного рода конструкций в качестве проверяемых (истинных или ложных) суждений о социальной реальности является заведомо бессмысленным делом: *хроноскоп* – это аналитическая парадигма, т.е. обыкновенный рабочий инструмент, позволяющий <...> проделывать все то, что сопряжено с актуальной политической, служебной или семейной рефлексией; важнейшим <...> достоинством подобного инструмента является его эффективность...» (с. 12–13). Отсюда определенное недопонимание: что же перед нами?

В рамках какого дискурса (иначе говоря, по каким правилам) автор организует свои высказывания? Кто его адресат, «идеальный читатель»?

Если «Хроноскоп» – терапевтический, консультативный текст, предназначенный как раз для тех, кто задается вопросом «почему я, такой красивый и умный, обделен аплодисментами и т.д.?»², то дать ему адекватную оценку может лишь профессиональный терапевт – и это будет оценка эффективности. Но ведь А. Игнатъев очевидным образом адресует текст коллегам-ученым, отсюда подробные терминологические разъяснения. Иными словами, мы читаем работу социолога и культуролога. Значит, пресловутые «12 лет» – либо а) модель, в соответствии с которой «герои Игнатъева» выстраивают стратегии успешной интеракции, т.е. часть их дискурса; либо б) аналитическая модель, с помощью которой ученый описывает социальную действительность.

Автор «Хроноскопа» сопоставляет «12-летнюю модель» с такими визуализациями, как татуировка и граффити. Это интересное наблюдение. Но всякая визуализация «культурно конкретна», она не возникает вне актуального контекста, и всякий раз, когда мы беремся за подобные культурные артефакты, мы вынуждены отвечать на неизбежные вопросы: кто и где написал, изобразил, выстроил? Могли ли, скажем, джазовое *community* или мусульманские иммигранты в Европе рассуждать об успехе/неудаче в категориях «рождения в тот или иной год»? Не станем исключать такой возможности. Но мы не находим явных подтверждений (во всяком случае в «Хроноскопе» они не приводятся) тому, что такого рода модели были частью дискурса вышеуказанных субкультур. Мы обнаруживаем акторов, встраивающихся в некий контекст, выходящих на «сцену», запускающих успешные проекты (кул-джаз, например) и создающих новый контекст признания. И понимаем, что «12-летний цикл» – попытка автора ответить на вопрос: «Почему они достигали (или не достигали) успеха в тот или иной момент времени?»

Здесь мы встаем на довольно зыбкую почву. «Специфический подход» (циклического моделирования истории и биографии), как пишет А. Игнатъев, определяет рациональность некоторых моделей, используемых современными социальными науками. В качестве примера он приводит концепцию исторических циклов Дж. Вико. Однако «циклы» Вико давно превратились в музейный экспонат. Они выпали из наличного научного арсенала, не будучи способны решить какие-либо актуальные задачи современных социальных наук. Наряду со Шпенглером или Тойнби Вико скорее философ культуры, нежели историк или культуролог. Научная реабилитация «циклических моделей» потребует колоссальных инвестиций, а результат, полагаю (даже если кто-то и решится на подобные инвестиции), окажется неудовлетворительным.

Логика интеракции/контекстов успешной карьеры, выведенная А. Игнатьевым, – так или иначе язык описания социальной реальности. Он представляется вполне релевантным. Массовый запрос инициируется в тот момент, когда успешный проект уже запущен, прежнее лидерство сошло на нет, а «старая элита» стремительно себя исчерпывает; проект достигает кульминации лишь при наличии массового запроса. Соответственно запрос начинает сходить на нет по мере того, как «новая элита», сложившаяся в рамках проекта, набирает силу. Эту динамику можно проследить, скажем, на примерах из истории элитарного/массового искусства.

Дилемма, своего рода бифуркация проекта, разумеется, приходится на тот момент, когда проект уже начинают покидать витальные силы. Но и сама дилемма сходит на нет по мере того, как начинает раскручиваться новый проект. По аналогии при сильном лидере сложно говорить о схизме. Конечно, успех напрямую зависит от вышеприведенных контекстов. Все эти зависимости, бесспорно, следует наглядно представить в виде графика, схемы, диаграммы. Структура процессов изложена А. Игнатьевым довольно убедительно. Но попытка провести параллель между этими процессами и календарными циклами, измерить их временную протяженность, на мой взгляд, вносит в исследование пусть привлекательный, но все-таки избыточный элемент. Подчеркну: не ошибочный (делать заключения о действительной, а не кем-то постулируемой взаимозависимости природных ритмов и опыта удачи в рамках научного дискурса просто невозможно), а избыточный. Что хорошо для терапевтического сеанса, не всегда столь же хорошо для науки, требующей фактов, аргументов и убедительных аналогий, количеством значительно превышающих предложенный автором набор. Дискурсивный *fusion* при обращении к коллегам-ученым чреват риском быть непонятым.

«12-летний цикл» – занятная интеллектуальная игра (вроде той, в которую до поры до времени играли герои «Маятника Фуко» У. Эко). Но если в истории джаза период развития того или иного проекта, лидерства или элиты занимает четыре года, то где гарантия, что этот период имеет ту же продолжительность применительно к рэпу, музыке *heavy metal* или футболу (привожу в пример практики, историю которых А. Игнатьев в своей книге не затрагивает)? И что такое «история джаза»? Что такое «биография» (Майлса Дэйвиса, Александра Вертинского или Иосифа Сталина)? «История» и «биография» суть нарративы, повествования, и их представляется невозможным – более того, нежелательным – препарировать в целях извлечения «интересующих фактов», не демонстрируя при этом рабочий инструмент. Кто написал историю? Кто составил биографию? Когда? Для кого? Где? «Хроноскоп», признаться, не всегда дает ответы на эти вопросы и редко ими задается.

Впрочем, предложенный А. Игнатьевым хроноскоп можно воспринимать как своего рода «идеальный тип» успешности («казус Майлса Дэйвиса»), язык ее описания. Его смысл – не в том, чтобы слепо ему поклоняться, использовать как панацею от всех научных бед, универсальную отмычку, а в том, чтобы вычлененную из источников разного рода «реальность» тестировать на соответствие или несоответствие модели – и, исходя из этого, пересматривать саму модель (или признавать, что она совершенно верна). Теория без суицидального потенциала ненаучна, как мы хорошо знаем из трудов К. Поппера; в свою очередь, наука – это не столько факты, сколько языки описания, о чем в свое время убедительно и развернуто писал М. Фуко. В современных гуманитарных науках немало примеров конструктивной критики «идеальных типов». В медиевистике, например, таким типом является феодализм. В 1990-е увидела свет монография С. Рейнольдс «Фьефы и вассалы», в которой британская исследовательница наглядно продемонстрировала, в чем именно средневековые социальные структуры Англии, Германии, Италии, Прованса не соответствовали классической северофранцузской феодальной модели. Но это вовсе не означает, что медиевисты вдруг сбросили идеальный тип с «парохода современности», как несостоятельный или бесполезный...

Чуть выше я неслучайно затронул тему нарратива. В «Хроноскопе», кажется, этот термин не встречается вовсе. При этом А. Игнатьев работает именно с нарративами. Например, он рисует структуру интерактивного формата лидерства: «место», достижение которого обеспечивает исполнение желаний или является их предметом; «народ», т.е. совокупность акторов, которые находятся в «пограничной ситуации» («хотят, но не могут»), наконец, привилегированный актер, техническая компетенция и статус которого достаточны для осуществления «перехода» (с. 146). Эффективное лидерство, как отмечает А. Игнатьев, сопряжено с отношениями «договора», т.е. взаимного пребывания в заложниках. Договор между актором и «привилегированным источником информации» (лидером, пророком, чародеем, волшебным помощником, святым или Всевышним), заключаемый ради исполнения трудной задачи, в чем заинтересованы обе стороны договора, – модель успешного действия, которую выделяли по отношению к исследуемым нарративам (в первую очередь сказочным) В. Пропп, Ж.-А. Греймас, К. Бремон.

Возникает вопрос: насколько выделяемые А. Игнатьевым структуры соответствуют описываемой действительности, «реальности успеха»? Ответ на этот вопрос вполне очевиден. Речь в «Хроноскопе» все-таки идет о восприятии действительности. «Успеха», «удачи» как таковых не существует в «реальности», они суть события и нарративны по своей природе. События не существуют вне повествования. Более того,

«опыт» и «понимание» нарративны. Вне нарратива аналитики или автобиографии не существует интеракции «мать – ребенок – волшебное снабдь». Успех лишь тогда становится опытом, определяет стратегию повседневного действия, интегрируется в «габитус», когда он нарративизируется. Человек – существо интеракциональное, и его опыт организован как сложная мозаика нарративов, в которых неизменно присутствует некий набор действующих лиц, «ролей».

«Само разделение людей на “эли́ту” и “массу” в значительной степени условно, т.е. определяется критериями социального признания, которые приняты по произволу и, в принципе, могли бы быть другими», – пишет А. Игнатъев. «Условность» и «произвол» здесь – ключевые слова. Чей произвол устанавливает это разделение? В какой момент оно возникает? Мне представляется, что об «элите» можно говорить не только как о группе лиц, складывающейся как побочный продукт миссии эффективного «лидера»; саму эту ситуацию еще необходимо нарративизировать, представить интеракцией актантов. «Элита» формируется в тот момент, когда повседневные поведенческие практики семиотизируются, обретают «знаковость», а одной из этих поведенческих практик становится попытка соответствовать той или иной модели. «Хроноскоп» ставит (во всяком случае для меня лично) довольно интересный и, скорее всего, неразрешимый вопрос: что первично – отказ в доступе на «сцену» или стигматизация поведенческих практик? Человек зарабатывает «стигму», так как «элита» узурпирует «сцену» и отказывает чужому в доступе? Или же отсутствие доступа к «сцене» есть своего рода эффект предварительной стигматизации, «произвольной и условной»?

Еще несколько слов хотелось бы сказать о параллели «Игнатъев – структуралисту»: на мой взгляд, автору «Хроноскопа», желал он того или нет, удалось довольно убедительно показать, что социальная действительность делается понятной благодаря универсальным повествовательным структурам, будь то «функции» сказки, притчи (*exemplum*'а) или театральной пьесы. Предпосылкой успешного действия становится ориентация в пространстве/времени, социальной реальности, системе «повязок» – а эта ориентация как раз и предполагает вычленение функций и построение логичного нарратива. А. Игнатъев де-факто предлагает варианты таких нарративов. Например, функция «катастрофа» может иметь несколько видов, модификаций, каждой из которых соответствует определенная модификация актанта «лидера»: лидер как воплощение традиции, лидер-«технар», Харизматический лидер. Медиапространство (от политических медианарративов до нарративов о спорте) дает нам огромное поле для экспериментов, для примерки масок на действующих актеров.

Здесь мы неизбежно натываемся на еще один подводный камень. Идентифицировав некого X как лидера-харизмата, мы можем автоматизи-

чески классифицировать актуальную для его лидерства катастрофу как «патовую» ситуацию. Высок риск того, что мы опустим процесс вдумчивого разбора этой катастрофы, который мог бы дать результат, не уместящийся в нашу схему. Возникает риск навешивания ярлыка, потому что «из А следует В». Или наоборот: обнаружив в ситуации У все признаки катастрофы-«большой зачистки», мы рискуем все так же автоматически наделить соответствующего ей привилегированного актора статусом лидера-«технаря». Это вовсе не значит, что предложенные А. Игнатьевым модели «неправильны». Они столь же правильны (или столь же неправильны – как кому больше нравится), как и любые нарративные модели. Просто любое событие задается как система порой весьма несхожих и даже противоречащих друг другу повествований и редко характеризуется лишь одним нарративом (особенно если речь идет о событиях недалеких по времени).

А. Игнатьев пишет для профессионалов. Для тех, кто достаточно опытен, чтобы оценить его тексты во всей их сложности, неоднозначности и даже дискуссионности. Для молодого, неискушенного ученого, для студента «Хроноскоп» отчасти – подчеркну это «отчасти» – опасен. Причина проста: идеи Игнатьева изложены здесь талантливо и очень увлекательно. На почве «юношеской» категоричности они могут вырасти в «парадигму № 1», соблазн «не искать чего-то еще» – тогда как гуманитарное знание характеризуется взаимодополнительностью парадигм и теорий. «Хроноскоп» заслуживает дискуссии, чтения в контексте актуального гуманитарного знания. В то же время нестандартность «Хроноскопа», как и дискурса Игнатьева в целом, очень полезна именно с педагогической точки зрения. Мозгу, усвоившему азы социологии или культурологии, нужна интеллектуальная встряска, ему нужен Фуко, нужны постмодернисты, нужен Маклюэн, нужен и Игнатьев – иначе мысль может превратиться в желе...

Когда-то я прислал А. Игнатьеву свою довольно сырую статью на рецензию. Он ответил ее содержательным, критическим, очень конструктивным осмыслением и закончил тем, что «узнал много нового» и ему «было интересно». Теперь, когда мне довелось рецензировать книгу А. Игнатьева, я с чистым сердцем могу закончить свой текст теми же словами. «Хроноскоп» обречен на то, чтобы из него можно было узнать что-то новое или во всяком случае попытаться по-новому взглянуть на уже известное. И, разумеется, такое чтение исключительно интересно.